

УДК 821.161.1.09:340.142

ЖАНР СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ В ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ДИССИДЕНТОВ

Е. Г. Серебрякова

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

Автор статьи исследует трактовку темы истории в жанре судебной хроники диссидентов. В качестве объекта исследования взяты материалы суда над И. Бродским, составленные Ф. Вигдоровой, и книга Н. Горбаневской «Полдень». Автор делает вывод, что история есть элемент жанровой модели хроники, ее трактовка в текстах определена философской и этической позицией писателей. Текст Вигдоровой отразил гуманистическое толкование истории, книга Горбаневской дала более драматичное – экзистенциальное понимание социальной истории.

Ключевые слова: диссиденты, советская либеральная интеллигенция, судебная хроника, культура 1960-1970-х годов, официальная культура, контркультура.

Жанр судебной хроники в литературно-публицистическом наследии диссидентов занимает одно из ведущих положений. Причина его возникновения носила внелитературный характер: первую судебную хронику, составленную Ф. Вигдоровой, друзья осуждённого И. Бродского использовали для пересмотра судебного дела и смягчения приговора поэту. Однако события общественной жизни 1960 – 1970-х годов привели не к гибели, а к дальнейшему развитию жанра. С 1956 по 1987 годы в СССР по «диссидентским статьям» было осуждено 8124 человека. Наиболее значимые для общественного сознания судебные процессы получали немедленное освещение в самиздате.

При этом соотношение официальной и неофициальной – самиздатской – частей советской литературы в 1960-е и 1970-е годы было различным. В начале «оттепели» они не были жёстко разделены. Напротив, граница между ними была зыбкой и проницаемой: одни и те же авторы (В. Аксёнов, Е. Евтушенко, А. Синявский и др.) могли иметь довольно благополучную издательскую судьбу и в то же время публиковаться (по доброй воле или в силу «непроходимости» в печати какого-либо произведения) в самиздате. Неудивительно поэтому, что легальные литераторы и диссиденты разрабатывали одну систему жанров, с незначительными взаимными дополнениями. Базовые ценности, заложенные в основание литературно-публицистических моделей мира, в этот период также совпадали. Центральное положение в системе жанров – дневники, автобиографии, воспоминания, очерки, хроники – занимали автобиографии и воспоминания, численно превосходящие очерки и хроники тех лет.

Но одна система жанров, в зависимости от сферы существования – официальная или неофициальная культура – получала различное функциональное назначение. По мере ужесточения идеологического диктата легальная и нелегальная литературы всё более расходились. Если в начале «оттепели» самиздат пополнялся за счёт «вытесненных» произведений, и предполагаемый адресат был чрезвычайно широким, то на рубеже 1960-1970-х гг. ситуация изменилась: «независимая» культура стала формироваться и осознавать себя «как особая субкультура, вырабатывающая свои установки, критерии и идеологию <...>. Возникающий в результате текст <...> уже не мог быть «возвращён» в традиционную культурную инфраструктуру» [10, с. 30]. Автобиографии, воспоминания диссидентов, хроники судебных процессов над инакомыслящими, очерки нравов, принадлежащие перу нонконформистов, возникли как маргинальные образования в литературном процессе. Их авторы осознавали невозможность «пробить» тексты такого рода в печать, заведомо соглашались на ограниченный круг читателей, имели в виду особого – близкого по духу – адресата. Это вносило коррективу в представление о жанровых функциях: эстетическая, в частности литературная, не являлась определяющей, выступала как вторичная наравне с другими – исторической, социальной, просветительской, воспитательной. Историческая – текст диссидента – это документ эпохи; социальная – «голос» особого «сословия», лишённого вла-

стью возможности высказаться; просветительская – книга рассказывает правду об инакомыслящих; воспитательная – она поддерживает единомышленников, возвращает последователей и учеников. Характерная деталь: зачастую автобиографии и воспоминания (А. Марченко «Мои показания», В. Буковский «И возвращается ветер» и др.) могут быть использованы как своеобразное «руководство к действию», поскольку содержат подробные рекомендации наиболее верного поведения во время следствия, суда, пребывания в тюрьме, взаимоотношений с заключёнными и проч. Детально прописанные, сюжетные вставки такого рода значительно тормозят действие, что не учитывается автором, сосредоточенном на их прагматическом назначении. Подобный «инструктаж» содержат и произведения других жанров – хроник, очерков, что подтверждает тезис о взаимодополняемости жанров внутри одной системы. Как видим, в основе целостности системы жанров неконформистской литературы лежит не только литературный принцип, но и совпадение по функциональному назначению. Все жанры системы поддерживают друг друга и создают единую картину мира и человека.

Рассмотрим это на примере жанра судебной хроники. По свидетельству Г. Свирского, только за период 1965 – 1970 гг. в Советском Союзе состоялось 50 процессов над инакомыслящими [6]. Материалы суда, как правило составленные родственниками или друзьями, распространялись в самиздате и становились поводом для нового судебного процесса, теперь уже в отношении составителей. Юридические санкции красноречиво свидетельствуют о том, что власть оценивала не литературную, а социальную значимость книги, ощущала её взрывоопасность для общественного сознания.

Материалы суда над И. Бродским, составленные Ф. Вигдоровой (1964 г.) определили основные принципы жанра судебной хроники, сохранённые впоследствии в других отчётах о процессах над инакомыслящими.

Суд осмыслен в тексте как факт социальной истории. Убеждённость автора в исторической значимости происходящего определила обращение к документальному жанру – стенограмме, детально воспроизводящей события, не допускающей умолчания или игнорирования деталей. История вершится «здесь» и «сейчас», в ней нет мелочей, каждый эпизод семантически значим, потому автор, как правило профессиональный литератор (писатель, журналист, как Ф. Вигдорова или А. Гинзбург, поэт, как Н. Горбаневская), усмиряет свои профессиональные амбиции и надевает маску стенографиста, тщательно фиксирующего ход судебного процесса.

В соответствии с логикой хроники,двигающейся за социальной историей, время изображённое максимально приближено ко времени реальному: составитель старается не упустить ни одного выступления участников процесса или реплик сторонних наблюдателей. Нанизывание всё новых и новых эпизодов придаёт сюжету экстенсивный характер, при котором организующей силой предстаёт сам ход суда, подчиняющий себе действие, речи и судьбы персонажей.

Автор, казалось бы, практически анонимен и выходит из тени лишь при крайней необходимости: судья требует прекратить записи, Вигдорова представляется, просит разрешения их продолжать, но получает отказ и финальные эпизоды суда воспроизводит позже по памяти. Роль объективного хроникёра определяет позицию автора – позади событий, по мере развития которых суд всё более приобретает характер саморазоблачения. Ложность обвинения вскрывается бездоказательностью речей прокурора, демагогичностью свидетельских показаний, провокационным поведением судьи и, напротив, аргументированностью позиции адвоката и свидетелей защиты. Срежессированность процесса, предсказуемость приговора выявлены автором, как бы доверившемуся ходу событий.

Автор вовсе не беспристрастен: акцентируя отдельные моменты процесса (бесцеремонность судьи, косноязычие свидетелей обвинения, обоснованность аргументов защиты и проч.) Вигдорова добивается сильного эмоционального воздействия текста. При этом открыто позиция автора выражается весьма экономными средствами – ремарками, сопровождающими диалоги и монологи участников:

Судья: А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. *(Без вызова)*: А кто причислил меня к роду человеческого?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал, что это даётся образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это (*растерянно*)... от Бога... [7, с. 60]. Беззащитность поэта выявлена лаконично и ясно. Этот эпизод стенограммы рифмуется с признанием, сделанным Вигдоровой Л. Чуковской: «...я никогда не забуду, как он стоял в этом деревянном загоне под стражей. И может быть, всё будет хорошо, и он выйдет на дорогу и станет большим поэтом, а я всё равно не забуду, как он смотрел – беспомощно, с изумлением, с насмешкой, с вызовом – всё разом» [11, с. 369].

Таким образом, при соблюдении установки на «чистую» документальность, объективность и самоотстранённость Вигдорова добивается эффекта эмоциональной напряжённости текста, даёт событиям этическую оценку. Документальность оказывается не помехой, а средством выражения нравственной позиции автора, чьи симпатии очевидны. «Это портрет самого несправедливого», – заметила о записях Л. Чуковская [11, с. 371].

История не безлична, она складывается из суммы поступков реальных людей – подследственного, представителей исполнительной власти, рядовых граждан. Каждый из них – творец истории: одни – бездумные палачи, другие – молчаливые соучастники, третьи – самоотверженные борцы, и все вместе – её активные деятели. Эта позиция требует от автора панорамного видения – способности охватить пространство внутри суда и за его стенами. Вигдорова фиксирует реакцию «улицы»: «*Когда все вышли из зала суда, то в коридорах и на лестницах увидели огромное количество людей, особенно молодёжи.*

Судья: Сколько народу! Я не думала, что соберётся столько народу!

Из толпы: Не каждый день судят поэта!

Судья: А нам всё равно – поэт или не поэт!» [7, с. 61]. Звучание дополнительных голосов создаёт стереоскопический эффект, придаёт объёмность повествованию и, кроме того, вводит чрезвычайно важную для автора тему общественного резонанса. Событие, кажущееся на первый взгляд локальным – суд над начинающим малоизвестным поэтом – вырастает до крупномасштабного, в ходе которого решается не частная судьба, а общенародная, свершается поворот к худшим временам отечественной истории.

Итак, писательница создала не стенограмму, а литературно-публицистическую хронику судебного процесса, с ясно очерченными характерами действующих лиц, выявленной авторской позицией, взвешенной этической оценкой исторических событий и роли в них каждого из участников. Минимально обработав «сырой» фактический материал, эмоционально усилив звучание отдельных эпизодов, она сохранила подлинность запечатлённых событий, их нравственную суть и дух. Вигдорова на практике решила горячо обсуждаемый в те годы литературоведами и критиками вопрос о соотношении в творчестве литератора, работающего с историческим материалом, факта и художественного вымысла, объективного и субъективного начал.

Мотивы, руководившие ею при составлении хроники, Вигдорова назвала сама: «Этой записью я надеялась спасти его» [11, с. 371]. Общегуманистические ценности, среди которых человек – высшая, традиционно исповедовались отечественными литераторами. Общечеловеческая нравственная позиция, заявленная в тексте без нравоучительных интонаций, определила широкий общественный отклик на материалы писательницы. По свидетельству председателя КГБ В. Семичастного, только в ленинградском отделении СП письмо в защиту Бродского подписали 54 человека [3, с. 78]. Заступничество К. Чуковского, С. Маршака, Д. Шостаковича, не повлиявшее на приговор суда в ходе процесса, было поддержано внутри страны и за её пределами. Жан Поль Сартр обратился с письмом к Председателю Президиума Верховного Совета А. Микояну с просьбой «выступить в защиту очень молодого человека, который уже является или, может быть, станет хорошим поэтом» [5, с. 80]. Сильные внутренние связи в профессиональных сообществах творческой и гуманитарной интеллигенции тех лет определили согласованность действий и, как известно, возымели успех: после полугода ссылки, отбыв в общей сложности 1 год и 8 месяцев вместо 5 лет по первоначальному приговору, Бродский вернулся в Ленинград.

Для общественного сознания благополучный исход «дела» Бродского имел колоссальное значение: либеральная интеллигенция сделала вывод о бесполезности борьбы

за невинно осуждённого и недопустимости личной безучастности к судьбе репрессированного. «Человечество живо одною круговою порукой добра», – справедливость этих слов безымянного автора была в годы «оттепели» многократно подтверждена социальной практикой шестидесятников.

Внелитературное значение текста и, главное, гражданской акции Ф. Вигдоровой заключалось также в том, что она продемонстрировала модель личностного поведения, многократно апробированную впоследствии в ходе усиливающегося идеологического противостояния либеральной интеллигенции и власти: мобилизация сторонников обвиняемого, присутствие на суде максимально возможного числа друзей и единомышленников, стенография хода процесса, распространение записей среди самых широких кругов ответственности, включая редакции газет и журналов, сам- и тамиздат, составление писем протеста/защиты, подкреплённых многочисленными подписями, обращение в законодательные и исполнительные органы власти – эти тактические приёмы прочно вошли в массовый обиход неконформистов после и во многом благодаря Ф. Вигдоровой.

Востребованность эпохой жанра хроники ощутили создатели альманаха «Хроника текущих событий» (1968 – 1983 гг.). За 15 лет вышло 63 выпуска. Это издание значительно способствовало консолидации диссидентского движения.

«Хроника текущих событий», как и книга Н. Горбаневской «Полдень» (1969 г.), отразила значительно видоизменённую общественную ситуацию. 1968 г. положил конец надеждам либеральной интеллигенции на возможность возвращения социализму его гуманистического характера. Ввод советских войск в Чехословакию глубоко травмировал свободолобивую общественность. А. Твардовский зафиксировал в дневнике своё восприятие случившегося: «29.VIII.68. Пахра.

Страшная десятидневка.

Что делать нам с тобой, моя присяга,

Где взять слова, чтоб рассказать о том,

Как в сорок пятом нас встречала Прага

И как встречает в шестьдесят восьмом –

<...> Встал в 4, в 5 слушал радио – в первый раз попробовал этот час (в столь раннее время Твардовский мог слушать только западные радиостанции, так как советское радио начинало работу в 6 часов утра – Е. С.). Слушал до 6, курил, плакал, прихлёбывая чай» [8, с.219-220]. Эту запись дополняет А. Кондратович, передавший характерный диалог А. Твардовского с А. Сурковым: Сурков «говорит, что события его довели до того, что ничего не может писать, даже мемуары. Я посмеялся, – мемуары как раз труднее всего писать <...>, не только совесть нужна, но и ум <...>

Уже перед самой редакцией я прочитал ему стихи (Что делать нам с тобой, моя присяга – Е. С.) <...> Сурков тут же закричал: «Что ж ты хочешь, чтобы там с социализмом покончили!» И я ему тут высказал жестокое: «Тебе почти семьдесят лет, а ты до сих пор ничего не понял, что произошло и как мы живём»» [4, с. 292 – 293]. Глубокое потрясение, пережитое интеллигенцией в те годы, объясняется глубоко личностным проживанием истории.

Драматичное восприятие социальной истории молодым поколением шестидесятников нашло воплощение в книге одной из участниц демонстрации протеста против вторжения советских войск в Чехословакию.

Опубликованная в 1970 году в Германии (издательство «Посев») книга опирается на уже сложившуюся традицию: текст Ф. Вигдоровой, А. Гинзбурга – о деле А. Синявского и Ю. Даниэля, Вяч. Черновила – об украинских процессах 1965 г., П. Литвинова – о демонстрации на Пушкинской площади 1967 года и суда над её участниками, его же и А. Амальрика – о «Процессе четырёх» (Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, В. Лашковой, А. Добровольского).

В книге, имеющей подзаголовок «Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года», сохранены основные принципы жанровой модели судебной хроники в её типологических особенностях: последовательное изложение событий, не допускающее ни забегания вперёд, ни недоговорённости, экстенсивный сюжет, слагаемый из сменяющих друг друга сцен и картин, совпадение реального течения времени с изображённым. При этом жанровая матрица предстаёт в модифицированном варианте: материалы суда составляют кульминацию текста, обрамлённого другими документами – обращениями представителей чехословацкого государства и общественности (ЦК партии, профсоюзов, АН, студенчества) к мировому сообществу с протестом против вторжения войск варшавского

договора в их страну. Эти документы перемежаются фрагментами статей из советских газет, дополняются показаниями очевидцев демонстрации, рассказом друзей обвиняемых об уличных волнениях возле здания суда и проч. Таким образом, юридическое определение «дело», стоящее в подзаголовке книги, получает конкретное наполнение: книга сшита из разнообразных документов и показаний. Благодаря композиции раскрывается причинно-следственная связь событий, мотивы участников демонстрации получают дополнительное обоснование: демонстранты вышли на площадь, так как не хотели быть молчаливыми участниками политического преступления. Композиция является способом раскрытия характеров героев: на площадь вышли не борцы-одиночки, но личности, осознающие собственную причастность к Большой Истории, ответственность за её дальнейший ход.

Как видим, Горбаневская создала синтетичный жанр: исторические документы объединены с воспоминаниями и хроникой – доминирующим жанром в тексте. Жанровый синтез позволил автору значительно расширить масштаб изображения, сделал время книги «разомкнутым», «открытым»: локальная история (акция протеста 7 человек, длящаяся меньше получаса) оказалась включена в поток «большого времени», её участники наделены статусом исторических персонажей. Кроме того, такой приём позволил автору создать эффект большей объективности: её рассказ, как непосредственной участницы демонстрации, не мог быть оценен читателями как излишне субъективный.

Хронике Вигдоровой было свойственно «сгущенное» время: в категории «сегодня» (судебном процессе над поэтом) сошлись «вчера» (сталинские методы судопроизводства) и «завтра» (решалась судьба страны в её исторической перспективе). Это придавало переживанию конкретного исторического момента предельную эмоциональность, поскольку происходящее в суде касалось всех и каждого, включая будущие поколения.

Ощущение погружённости в историческое время роднит тексты Горбаневской и Вигдоровой. Однако в «Полдне» звучат и дополнительные коннотации. Технология идеологических и политических кампаний во второй половине 1960-х гг. была отработана, логика поведения власти предсказуема, исход демонстрации протеста очевиден. Перед участниками вставал вопрос, не возникавший в сознании их старших единомышленников, о целесообразности личного протеста в таких обстоятельствах и возможной предопределённости хода социальной истории. Такой поворот темы личной причастности к истории придал тексту экзистенциальное звучание.

Демонстранты ясно осознавали обречённость и неэффективность выбранной формы протеста, о чём свидетельствуют рассказы очевидца и участников акции. Мы видим демонстрацию глазами трёх персонажей, что придаёт картине эффект объёмности. При этом каждый фиксирует хронометраж событий. Н. Горбаневская: «Через несколько минут подошла первая машина (милицейская, забравшая участников в отделение – Е. С.)» [2, с. 41]. Т. Бабичева: «Минут через 15 подъехали машины» [2, с. 45]. А. Самбор, очевидец, определяет длительность в 22 минуты. Рассказчики подчёркивают краткосрочность акции, недоумённую реакцию горожан, не успевших даже осмыслить произошедшее. Однако бессмысленное с точки зрения житейской прагматики выступление было вполне осмыслено демонстрантами. Рациональность, руководившая героями, определяется одной их традиций антропологической философии: человек во всей полноте личностных достоинств есть мера оценки исторического процесса. Демонстрация имела двойное измерение – обыденное и общечеловеческое. Отвечая на вопрос журналистов 1990-х годов «герои или безумцы», Горбаневская сказала: «Просто люди, пожелавшие поступить по совести» [2, с.7]. Нравственно-этическое измерение политических событий руководило действиями главных героев: «... если даже один человек не одобряет «братскую помощь», то одобрение перестаёт быть всенародным. Но, чтобы это стало ясно, нам было мало «не одобрять», сидя у себя на кухне. Надо было в той или иной форме заявить об этом открыто» [2, с.7]. «Я думала: что делать? Демонстрация представлялась мне единственно осмысленным актом – единственно по-настоящему *демонстративным* (курсив автора – Е. С.). При этом я по природе не склонна к такому виду протеста – мне лучше сидеть за машинкой, перепечатывать самиздат, редактировать письма протеста или, чем я занималась с апреля того года, составлять «Хронику текущих событий». Но тут я чувствовала, что ничем таким не могу ограничиться. Демонстрация – и только.

Но то же самое решили и мои друзья <...>» [2, с.9]. Нравственность – сила духовно-практическая. Мораль, не подкреплённая поступком, лжива. Такая трактовка этики пред-

полагает способность не только говорить правду открыто и недвусмысленно, но доказать возможность жить по совести поступком, социально значимом, граждански мотивированном. Выходом на площадь демонстранты доказали своё право на историческое существование: «Исторический прогресс предполагает не только осмысление событий окружающей действительности, но действенное преобразование мира личностью, осознавшей себя ответственной за ход истории. Личность в истории должна поступать целесообразно (на благо общества) и нравственно» [9, с. 551]. Каждый ответственен за свою индивидуальность, сохранение личностного начала. Духовная свобода, основной критерий личности, реализуется в социальных действиях, раскрывающих представления человека об истинном, должном, исторически оправданном.

Шестидесятникам был свойственен этический универсализм. Христианские нравственные ценности входили в общекультурные и исповедовались наравне с ними. Книга насыщена цитатами из Пушкина, Герцена, Салтыкова-Щедрина и др. В Прологе звучит Библия (Деяния Апостолов). Цитаты из классики отсылают читателей от «проклятых вопросов» к «вечным истинам», задают вертикаль системы координат в оценке происходящего. Фрагмент из Деяний Апостолов в общем контексте книги утрачивает собственно религиозное наполнение и указывает на общечеловеческие ценности – правдоискательство, жертвенность во имя справедливости и свободы. Конфликт правды и лжи, свободы и тирании выступает как вечный. Вневременное измерение событий политической истории, свойственное Горбаневской и её друзьям, получает дополнительное обоснование.

Место проведения демонстрации семантически значимо. Красная площадь – символ российской государственности и сердце Москвы. Участники акции протеста расположились у подножия Лобного места лицом к Историческому музею, дав таким образом дополнительную оценку ситуации: они, как «застрельщики истории», готовы принести себя в жертву ради искупления общенациональной вины.

Пребывание героев на площади выявило глубокую нравственную несостоятельность общества – неспособность услышать и принять правду. Смысл своей акции демонстранты выразили лозунгами: «За вашу и нашу свободу», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (по-чешски), «Руки прочь от ЧССР». Реакция горожан свидетельствует о неподготовленности обыденного сознания к восприятию точки зрения, резко отличной от растиражированной в советской печати: «Стоящие вокруг больше молчали, иногда подавали неприязненные или недоумённые реплики. Два-три оратора <...> произносили пылкие филиппики, основанные на двух тезисах: «мы их освобождали» и «мы их кормим»; «их» – это чехов и словаков. Подходили новые любопытные, спрашивали: «Что здесь?» – «Это сидячая демонстрация в знак протеста против оккупации Чехословакии», – объясняли мы. «Какой оккупации?» – искренне удивлялись некоторые. Всё те же два-три оратора опять кричали: «Мы их освобождали, 200 тысяч солдат погибло, а они контрреволюцию устраивают» <...> И – весь набор великодержавных аргументов, вплоть до ссылки на то, что «они сами просили ввести войска».

За этими ораторами трудно было слышать, кто из ребят что говорил; помню, кто-то объяснял, что «письмо группы членов ЦК КПЧ» с просьбой о вводе войск – фальшивка, недаром оно никем не подписано. Я на слова «Как вам не стыдно!» сказала: «Да, мне стыдно – мне стыдно, что наши танки в Праге» [2, с. 41]. Участники акции протеста, действительно, предложили очевидцам непростой выбор: житейская логика или нравственная, прагматизм или рациональность.

При этом следует признать, что из предложенных лозунгов, призванных сыграть роль коммуникатора с неподготовленными очевидцами, лишь один – «Руки прочь от ЧССР» – мог быть понят без особых усилий. Восприятие лозунга «За вашу и нашу свободу», принадлежавшего польским повстанцам XIX века и взятого на вооружение русскими демократами, требует определённых гуманитарных знаний, а призыв на чешском языке, вероятно, вообще был адресован иностранным корреспондентам и мировой общественности. Погружённые в нравственно-этическое измерение действительности, герои недостаточно продумали вероятный уровень восприятия собственных действий массовым сознанием. Готовые к провокациям со стороны власти, они оказались не готовы к диалогу с обычным рядовым человеком. Их толкование реакции горожан поэтому полностью уложилось в привычный для среды нонконформистов тезис об идеологической одурманенности народа. Быстрый, практически мгновенный переход в оценке событий (демонстрация,

как помним, длилась несколько минут) с буднично-прозаичного уровня на гражданский, вообще с трудом удающийся массовому сознанию, был, таким образом, затруднён самими демонстрантами. Это нисколько не умаляет нравственной значимости и экзистенциального звучания их поступка. Демонстрация была вызовом обществу, провокацией, но особого свойства: герои руководствовались экзистенциальным осмыслением проблемы личной вины каждого за совершающиеся политические злодеяния.

Общество не выдержало испытания экзистенциальным вызовом. Суд – кульминационный эпизод книги – демонстрирует неспособность к критической самооценке государства. Судебная хроника в тексте, как было указано выше, в основных архетипических чертах повторяет жанровую модель, утверждённую в литературе нонконформистов Вигдоровой. В ней действуют те же приёмы поэтики: саморазвивающийся сюжет, «самоустранимость» автора, самохарактеристика персонажей. Неизменной остаётся и основная мировоззренческая позиция: история говорит сама за себя. Но есть и новизна, продиктованная реалиями идеологического противостояния. К концу 1960-х годов технология политических репрессий была сформирована и хорошо знакома диссидентам, подготовленным к неизбежному. Это нашло отражение в книге: адвокаты демонстрантов были заранее извещены о готовящейся акции, самиздат из квартир ликвидирован на случай обыска, друзья, единомышленники и родственники понимали, как себя вести. Композиция судебной хроники отразила новую расстановку сил: акцент в ней сделан на сцене заключительного выступления обвиняемых. Их «Последнее слово» звучит как обвинительный приговор власти, очередная демонстрация своих гражданских прав. Л. Богораз: «Для меня промолчать – значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать – значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно *правильным*, но для меня это было единственно *возможным* (курсив автора – Е. С.) решением.

<...> Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства...» [2, с. 205]. П. Литвинов: «Как советский гражданин, я считал, что должен выразить своё несогласие с грубейшей ошибкой нашего правительства, которая взволновала и возмутила меня» [2, с. 207]. В. Делоне: «Я убеждён, что критика отдельных действий правительства не только допустима и законна, но и необходима. Все мы знаем, к чему привело отсутствие критики правительства в период сталинизма» [2, с. 209]. В. Дремлюга: «Ради того, чтобы впоследствии это право (критиковать правительство – Е. С.) было законным, я и вышел на Красную площадь и вышел бы куда угодно» [2, с. 213]. К. Бабицкий: «Я прошу вас, граждане судьи, видеть во мне и в моих товарищах не врагов советской власти и социализма, а людей, взгляды которых в чём-то отличаются от общепринятых, но которые не меньше любого другого любят свою родину и свой народ и потому имеют право на уважение и терпимость» [2, с. 214]. Гражданское мужество и бескомпромиссность обвиняемых рождены их убеждённостью в невозможности исторического обновления без борьбы, в ходе которой преодолевается социальное отжившее, политически обречённое. Логика поведения центральных персонажей на суде явно выдержана в революционно-демократических традициях XIX века. Оппонировать власти, руководствуясь чувством ответственности за судьбу страны и народа, – исконное предназначение интеллигенции, осознанное шестидесятниками как непреложный закон.

Название книги метафорично. Полдень – время начало демонстрации и ёмкая метафора. Подобно тому, как солнце в зените заливает мир светом, правда и совесть обладают обнажающей силой, способной высветить подлинную меру исторических событий и людей.

Логика хроники требует договорённого сюжета. Руководствуясь этим правилом, автор завершает книгу рассказом о дальнейшей участи демонстрантов, включая свою и В. Файнберга, осуждённых позже, стихами разных лет, в том числе посвящённых памяти Л. Богораз и В. Делоне.

В заключительной части книги Горбаневская вновь вернулась к вопросу о целесообразности демонстрации. Общественное сознание интеллигенции не сразу сумело оценить значимость бессмысленного на первый взгляд действия. По аналогии со словом «самоубийство» (имелось в виду самоубийство чешского студента Яна Палаха) в ближайшем

окружении демонстрантов возникло ироничное «самосажание», содержащее эмоциональную оценку их поступка. Но, в отличие от массового сознания, тяготеющего к консервации однажды найденных механизмов объяснения явления, и государства, подменившего идеологией рефлексию, интеллектуальное сознание продемонстрировало способность переоценить собственные ошибочные суждения, признать непреходящую нравственную ценность поступка семерых.

И сегодня многие помнят тот урок гражданской отваги. А. Гербер, президент фонда и сопредседатель центра «Холокост», призналась однажды: «Я тяжело пережила 1968 год, когда самые мужественные вышли на Красную площадь в поддержку Чехословакии. Меня, как и многих шестидесятников, там не было. Вот когда я поняла, что я не простая шестидесятница, а типичная советская шестидесятница. Я не знала тогда этих людей, но если бы и знала, то не уверена, что была бы рядом с ними» [1, с. 46].

Главный вопрос книги, мучительно осмысливаемый автором, о возможной предрешённости хода советской истории получил разрешение. В атмосфере безвременья, «исторического антракта» определена и изначально задана логика поведения власти, но будущее страны не фатально, оно отвоёвывается гражданами в каждый момент текущей повседневной жизни.

Итак, мировоззренческая позиция Вигдоровой и Горбаневской совпадает в нравственном измерении истории, признании значимости роли личности в судьбе страны. При этом два текста, разделённые незначительным временным промежутком (5 лет), отражают различные стадии общественного и личностно-авторского сознания. Позиция Вигдоровой сводится к нескольким тезисам: граждане, объединившись, могут противостоять возрождению неосталинизма. Обновление страны зависит от ежедневных усилий всех и каждого, направленных на возвращение социализму его подлинной, гуманистической сущности. Восприятие Горбаневской социальной истории более драматично, экзистенциально окрашено: личность, не полагаясь на общественную поддержку, вынуждена руководствоваться принципом «Делай что должно, и будь что будет». Акцент в книге сделан на способности человека принять на себя ответственность за ход социальной истории.

Спустя годы, Б. Окуджава подвёл итог нравственным исканиям своего поколения, назвал глубокую мотивацию их каждодневных поступков и судеб:

Шестидесятники не думают, что жизнь сгорела зря,

Они поставили на Родину, короче говоря.

Она, конечно, в суете о них забудет,

Но ведь она у них одна, другой не будет.

Список литературы

1. Гербер А. Шестидесятничество – это прежде всего состояние души // Шестидесятники / сост. М. Ш. Барбакадзе. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008. – С. 44 – 47.
2. Горбаневская Н. Полдень: Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года / Н. Горбаневская. – М.: Новое издательство, 2007. – 304 с.
3. Записка КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о процессе над И. Бродским // Становление «второй культуры». Литературно-политические документы 1960–1970-х гг. Хрестоматия для вузов / сост. Е. Г. Серебрякова. – Воронеж, Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – С. 78 – 79.
4. Кондратович А. Новомирский дневник (1967–1970) / А. Кондратович. – М.: Советский писатель, 1991. – 528 с.
5. Сартр Жан Поль. Письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР Анастасу Микояну // Становление «второй культуры». Литературно-политические документы 1960–1970-х гг. Хрестоматия для вузов / сост. Е. Г. Серебрякова. – Воронеж, Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – С. 80.
6. Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946–86 г. / Г. Свирский. – Лондон: OVERSEAS, 1979. – 123 с.
7. Суд над И. Бродским (стенограмма) // Становление «второй культуры». Литературно-политические документы 1960–1970-х гг. Хрестоматия для вузов / сост. Е. Г. Серебрякова. – Воронеж, Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – С. 58 – 78.
8. Твардовский А. Новомирский дневник: в 2 т. / А. Твардовский. – М.: ПРОЗАиК. – 2009 – Т.2: 1967–1970 – 637 с.
9. Толстых В. Мы были. Советский человек как он есть / Институт философии. – М.: Культурная революция, 2008. – 768 с.

10. Уваров И., Рогов К. Семидесятые: хроника культурной жизни // Россия-Russia. Новая серия: Вып.1(9): Семидесятые как предмет истории русской культуры / сост. К. Ю. Рогов. – М.: О.Г.И., 1998. – С. 29 – 77.

11. Чуковская Л. Памяти Фриды // Чуковская Л. Сочинения: в 2 т. / Л. Чуковская. М.: Гудьял-Пресс, 2000. – Т. 1. – С. 357 – 429.

THE JUDICIAL CHRONICLE IN THE LITERARY AND JOURNALISTIC LEGACY OF DISSIDENTS

E. G. Serebryakova

Voronezh State University

e-mail:

serebrjakova@phipsy.vsu.ru

The article deals with the interpretation of the history theme in the judicial chronicle genre of dissidents in USSR. As an object of investigation the proceedings of the law-suit over I. Brodsky, composed by F. Vigdorova, and the book «Midday» by N. Gorbanevskaya are taken. The author has come to the conclusion that the history is an element of the judicial chronicle model genre in the literary and journalistic legacy of dissidents. Its interpretation in the texts is determined by philosophical and ethical positions of these writers. The text by F. Vigdorova rendered humanistic interpretation of history; N. Gorbanevskaya's book had more dramatic, existential understanding of social history.

Keywords: dissidents, soviet liberal intelligentsia, judicial chronicle, culture of 1960-1970s years, official culture, counterculture.